

Перестройка: итоги и следствия

Анатолий БУТЕНКО

Историческая неудача или начало революции?

Сегодня, видимо, никто не будет спорить с тем, что время перестройки кончилось: понимаемая как процесс общественного переустройства Советского Союза на основе «раскрытия потенциала социализма», она имела четко определенные исторические рамки. Такое переустройство, хотя и под другим наименованием, началось в апреле 1985 г. по инициативе избранного тогда на пост генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева. За семь лет задуманное переустройство прошло ряд качественно различных этапов и к началу 1992 г. исчерпало себя. Уже в середине 1991 г. общественные перемены утратили вышеназванное перестроечное содержание. Горбачев сложил с себя полномочия генерального секретаря, сама Коммунистическая партия Советского Союза была запрещена, а в канун нового 1992 г. беловежским соглашением руководителей трех республик (Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича) был упразднен сам Советский Союз, а вследствие этого перестал исполнять функции президента СССР Горбачев. В результате беловежской акции не только Горбачев, но также И. Силаев, Э. Шеварднадзе, В. Бакатин и многие другие деятели страны, конституционно осуществлявшие властные функции, обнаружили отсутствие прежних юридических оснований своей деятельности.

Но все это — не самое главное. И исторические рамки перестроечных перемен, и суть самой перестройки, конечно же, должны быть определены, чтобы, употребляя слова и понятия, все вкладывали в них если не тождественное, то хотя бы сходное содержание, иначе обсуждение превратится в спор глухонемых. Однако несравненно более важным представляются выяснение действительной сути и характера самих событий, оценка хода и итога перестройки. Что это — общественная неудача, провал, неуспех первоначального замысла и выраженных в нем интересов или процесс, в котором заложены истоки весьма значительных и прогрессивных общественных перемен, ведущих к успеху дело, начатое перестройкой?

Журнал опубликовал обширную и весьма интересную статью своего главного редактора, доктора исторических наук В. Согрина «Перестройка:

итоги и уроки»¹, открыв дискуссию на эту тему. Желая высказать свое мнение о завершившемся периоде перестройки, ее концепции, этапах и результатах, хочу предпослать своим суждениям ряд общих соображений.

Некоторые методологические вопросы изучения перестройки

Исходной проблемой здесь является определение сущности перестройки, ее содержания, ее концепции. Не будем скрывать, что многим авторам, особенно из числа ничего не стесняющихся публицистов, решение этой задачи представляется предельно простым: собрать принадлежащие Горбачеву (а при возможности и его ближайшему окружению) мысли и высказывания на эту тему, сконструировать из них концепцию перестройки (или констатировать отсутствие такой концепции), а затем на этом теоретическом фоне рассмотреть реальное развитие советского общества, делая вывод или о его неуправляемости, или о частичном совпадении либо полном несовпадении происшедшего с задуманным. В зависимости от этого выносят приговор об отсутствии или наличии концепции перестройки, о ее верности или ошибочности, одобряют или осуждают сторонников перестройки и их действия.

Ущербность такого подхода не только в том, что его основой является прежняя холопская вера в то, что концепции совершаемых процессов — на устах власть имущих. Важнее, что сами власть имущие размыкают уста не только для того, чтобы осчастливить мир открывшейся им истиной. Зачастую их речи имеют цель скрывать истинные замыслы и прятать просчеты, тогда как сама жизнь из-за столкновения разных сил никогда не идет по наперед заданному плану.

Поэтому описанный выше подход был бы весьма продуктивным при двух условиях: во-первых, если бы существовала единая концепция перестройки, всегда себе равная и не изменяемая самими ее глашатаями. Во-вторых, если бы условия реализации перестройки тоже оставались неизменными хотя бы в том смысле, что на всех этапах действовали бы одни и те же общественно-политические силы, всегда способные одинаково эффективно реализовывать намеченное и в результате позволяющие определить, что было, а что не было верным в концепции; ни того, ни другого нет в действительности.

Хорошо известно, что Горбачева за отсутствие концепции перестройки обвинял, еще будучи номенклатурным коммунистом, Б. Ельцин. Потом такие упреки шли и от других — как партократов, так и демократов. Для многих партократов подобные упреки означали: у Горбачева нет такой концепции перестройки, которая бы обеспечивала им «обновление социализма» в том виде, как они, партократы, это понимали. Левые радикалы и демократы смотрели на дело иначе: отсутствие концепции перестройки в их понимании означало отсутствие в ней мер, обеспечивающих быстрое улучшение жизни народа (было ли оно возможно, сомнения не высказывались). С определенного этапа часть левых радикалов, становясь буржуазными демократами, уже не связывали такие перемены с «социалистическим выбором», которому они недавно присягали, хотя и не сразу стали связывать их с капитализмом, на сторону которого многие «перевертыши» вскоре перевернулись. Для большинства же граждан, приученных к тому, что власти раньше старались выполнять свои конкретные обещания, становилось с каждым днем очевиднее: обещанное перестроечное благоденствие все не наступает, а сами обещания раздаются, как говорится, наобум.

Как же оценить горбачевскую концепцию перестройки? Как определить

¹ См. «Общественные науки и современность», 1992, № 1.

ее правильность или ошибочность? Многие умные философы, социологи и политологи, рассуждая об обществах, сознательно реализующих какой-то проект, будь то сталинская концепция социализма или рузвельтовский Новый курс, не желают учитывать происходящее в этом случае реальное «удвоение» действительности: с одной стороны, идет независимый от политиков процесс общественной эволюции, предопределенный реальными условиями и объективными тенденциями (законами), а с другой — налицо объективные изменения, вызванные осознанными действиями людей, реализующих принятый обществом проект. В жизни, особенно современной, имеет место сложное взаимодействие обоих процессов.

Естественно, что власть имущие всеми силами и средствами стремятся к тому, чтобы изменения в жизни соответствовали провозглашенным целям, ибо тем самым реализуются выраженные в этих целях интересы, а заодно и укрепляются позиции власть имущих, ибо осуществляются обещания, «подтверждается правильность их политики». Если же объявленные цели не реализуются, то у властей есть по меньшей мере два выхода. Один из них — частично признать или недостижимость самой поставленной цели, или ошибочность применявшихся средств, в том числе плохую организацию практических действий. Все это означает признание большей или меньшей несостоятельности самих власть имущих, поэтому, как правило, они не идут по такому пути, а прибегают к другому средству. Видя назревающий провал своей политики, они по ходу событий не только корректируют действия и меняют средства, но меняют и сами цели (скажем, перестройку на возрождение), стремясь при этом, чтобы фактический провал их политики был замечен возможно меньшему кругу людей.

Проиллюстрируем это общее положение примером перестроечного времени. Сегодня многие утверждают, будто русское слово «перестройка» уже в 1985—1986 гг. из-за своей популярности вошло без перевода во многие языки современного мира. Однако политическим понятием, которое бы концентрировало в себе суть происходящего, кратко выражая проводимый политический курс, в те годы было вовсе не «перестройка», а «ускорение». Именно этим термином в противовес реальной стагнации обозначалась новая генеральная линия КПСС, нацеленная на «ускорение социально-экономического развития» страны. Как раз вокруг понятия «ускорение» разворачивались тогда основные дискуссии и споры (достаточно напомнить выступления академика А. Аганбегяна о возможности ускорить наше развитие на 5% и более).

Понятие «перестройка» вышло на передний край позже и начало вытеснять «ускорение» уже в 1987 г., но в обществе еще не был осознан провал ускорения. Это понимание стало утверждаться в связи с XIX партийной конференцией (середина 1988 г.), на которой в мужественном выступлении академика Л. Абалкина в пику властям было сказано о невозможности одновременно вести и перестройку, и ускорение, т. е. предлагалось заняться перестройкой, не питая иллюзий насчет ускорения. То, что инициатор перестройки, скрепя сердце, принял и признал провал идеи ускорения (первого выражения нового подхода к обществу), проявилось в назначении Абалкина заместителем премьер-министра.

Однако вернемся к методологическим вопросам, и прежде всего такому: как изучать и излагать историю общественного развития, полагая, будто она творится сознательно, т. е. при общем понимании главных завтрашних результатов совершаемых сегодня организованных действий, если на деле это получается не так или, по меньшей мере, не совсем так?

Можно ли здесь действовать научным методом, который К. Маркс называл методом углубления, движения от явления к сущности, ведущим через многообразие явлений к скрытым за ними тенденциям, законам? Или здесь — при сознательном развитии — другая логика: законы и прин-

ципы (сущность) наперед известны обществу, и оно лишь в меру сил стремится к их претворению в жизнь? Этот второй логический вариант лежал в основе действий тогдашних власть имущих, он является неосознанной предпосылкой анализа перестройки и в статье Согрина, который тоже намерен соотносить объективные законы и сознательную деятельность, будучи уверенным в примате законов. Так, автор приводит официальные формулировки ставившихся задач, а затем, обращаясь к жизни, показывает, сколь ошибочными, наивными и даже смешными выглядят тогдашние концепции и планы. Можно ли таким путем определить правильность или неправильность выдвигавшихся целей? Не всегда, и не только потому, что, учитывая расстановку сил, лидер может не афишировать реальных стремлений. Важнее то, что жизнь в подобном обществе не подчиняется ни объективным законам, ни приказам! В ней происходит «удвоение действительности» либо она идет по среднему варианту: естественно-исторические, объективно-спонтанные процессы соседствуют в ней с сознательно направляемыми. Те и другие далеко не всегда и не во всем совпадают, сливаются друг с другом, чаще всего они перекрещиваются, ломая то естественную логику развития, то планомерно направляемый процесс.

Что из этого потока изменений взять, чтобы определить: верно или не верно ставилась задача? Что в самих изменениях было «правильным», а что «неправильным»? Смотря с каких позиций подойти. Для бюрократа здесь нет сомнений: неправильными были те изменения, которые вырывались из-под контроля командно-административной системы, не подчинялись плану, приказу, цели, смыслу задуманного. На деле же все было наоборот. Неверной была именно та часть планов, прогнозов, концепций, которая не могла втиснуться, вписаться в жизнь, расходилась с нею, отторгалась ее тенденциями. Но в результате такого взаимодействия получалось нечто третье. Где же точка отсчета для общей оценки правильности или неправильности концепции? Какой практикой ее проверять? Ведь в итоге, полученном в жизни, есть двойкие обстоятельства: порожденные самой реализацией концепции — это ее собственная практика (она отнюдь не критерий истины) — и обусловленные спонтанным естественно-историческим развитием. Как же разобраться во всем этом? Какими фактами проверять теорию? Как объяснять и описывать происходящее?

Еще в 70-е годы в Институте экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) сотрудниками отдела политических и идеологических проблем была разработана методология изучения процессов общественного развития в тех странах и условиях, в которых идеологические концепции или конструкции предшествуют реальным переменам, направляют и определяют их. Поскольку в этом случае имеет место вышеописанное «удвоение действительности», то практика, жизнь перестают быть критериями истины в прежнем смысле слова, ибо сознательно организуемая часть реалий всегда подтверждает теорию, какой бы нелепой она ни была (создадим малую индустрию в Китае, выплавим столько-то чугуна! — и выплавили. Так значит, практика подтверждает верность теории? Но ведь чугун потом выбросили или переплавили?!). Мало того, в таких условиях сама научная теория не может быть и простым обобщением фактов жизни. Ведь в этом случае теоретик может попасть в ловушку: начать обобщать ту практику или ту сторону жизни, которая сама является результатом сознательных действий, а потому уже несет в себе определенную (верную или неверную) концепцию, в ходе реализации которой и возникает эта обобщаемая теперь действительность. Короче говоря, вопрос создания теории на фундаменте фактов сознательно изменяемой действительности — как и вопрос верификации теории, проверки ее практикой, жизнью — здесь не упрощается, а весьма усложняется. В связи с этим были сделаны такие выводы.

Первый: методология изучения общества, развивающегося в основном спонтанно, стихийно — скажем, рабства, феодализма, становящегося капитализма (без государственного регулирования),— и общества, развивающегося в целом сознательно, управляемо, регулируемо, не может быть одинаковой: метод изучения всегда зависит от природы изучаемого объекта.

Второй: поскольку в обществе, следующем в своей эволюции определенной сознательно избранной идее, происходит «удвоение реальности», необходима предварительная дифференциация изучаемых фактов. Реальность, изменяющаяся спонтанно, по своим объективным тенденциям и законам, может и должна, благодаря углублению от явления к сущности, дать знание этих тенденций и законов, а другая часть реальности, являющаяся продуктом сознательной деятельности, при таком обобщении подобных знаний дать не может. Более того, такое обобщение способно породить лишь разные формы апологии действий властей. Скажем, власть имущие миллиметровыми шагами год за годом расширяли права местных органов самоуправления, сохраняя их при этом в принципе если не безвластными, то едва функционирующими. Обобщая подобные факты, некоторые авторы делали вывод: идет закономерный процесс расширения власти трудящихся (хотя на деле политическая власть находилась не у советов, а у партийных функционеров, и кунктаторское расширение прав местных советов было намеренным обманом).

Третий: описание и оценку общественного развития, совершающегося сознательно — на основе определенной идеи, лучше всего вести с помощью метода упреждающего концептуального анализа, который, по моему мнению, в чем-то сродни методу «имманентной критики» венгерского философа Дьёрдя Лукача.

Как известно, философ предлагал не противопоставлять, не сталкивать противоположные классовые позиции и концепции с тем, чтобы, показав их несовместимость, просто отринуть и заклеить концепцию, чуждую пролетарской. Он сетовал сначала принять (условно) чужую концепцию и, исходя из нее, делать выводы, формулировать следствия, сопоставляя их с жизнью. Таким путем можно убедиться или в ценности, или в бесполезности рассматриваемой концепции, ее отдельных сторон, а то и в ее полной несовместимости с жизнью, т. е. выяснить хотя бы частичную ее правильность либо полную несостоятельность.

В данном случае речь идет о сходном методе. Нет никаких оснований выносить приговор концепциям того или иного теоретика только потому, что они не были реализованы. Ведь любая теория так или иначе коренится в самой жизни, а теоретики могут обладать большими или меньшими практическими возможностями и, в конце концов, ошибки или причины такой неудачи могут лежать вне теории. Нужно с самого начала, упреждая анализ, попытаться дать свою, по возможности максимально близкую к идеально-верной, концепцию происходящего. (Это — не безнадежная задача хотя бы потому, что уже известна судьба применения на практике анализируемой концепции, известны и критика ее недостатков, и предлагавшиеся ей альтернативы.) При этом, разумеется, необходимо доказать, почему и в чем предлагаемый критиком аналог лучше, вернее критикуемого прототипа, почему его концепция ближе к идеальной. Затем следует возвратиться к уже состоявшемуся процессу и показать, почему и в чем именно применявшаяся концепция была несовершенной, почему она привела к столь печальным результатам, почему — при ошибочности применявшейся концепции и связанных с ней действий — нельзя было и ожидать иного результата. А теперь обратимся к предмету статьи.

О движении перестройки и ошибках М. Горбачева

Как в исторической ретроспективе следует оценивать взгляды и деятельность инициатора перестройки М. Горбачева: было ли искренним его желание посредством перестройки бороться за социализм или, как считают многие (не только Ю. Прокофьев), социалистические цели перестройки были только ширмой, за которой пряталось намерение «сдать социализм в архив»? Реален ли был тогда сам лозунг «раскрыть потенциал социализма» в нашей стране, или он был не реален и почему? Если же он был реален, то почему не состоялся? Вина ли в этом Горбачев, не захотевший (или не сумевший?) достичь такого результата? Если Горбачев искренне верил в социализм, то была ли ошибочной сама эта вера или ошибка состояла лишь в том, что он переоценил возможность реализовать эту веру именно в тогдашней стране? Что этому препятствовало? Если же была такая возможность, то в чем конкретно ошибся Горбачев — в теории или в политике, в стратегии или в тактике — или же его подвели соратники и т.д. и т.п. Короче говоря, под впечатлением от первых страниц статьи В. Согрина я много размышлял о тех вопросах, которые уже неоднократно ставились в нашей печати и которые, оставаясь до сих пор без ответа, продолжают вызывать интерес.

Попробую разобраться в том, чего, на мой взгляд, недостает статье: в оценке объективных и субъективных условий перестройки, в определении реальности или нереальности ее замысла, ее идеи. В соответствии с избранным методом анализа попытаюсь дать оценку не только перестройке, но и взглядам Горбачева, его пониманию перестройки.

Сначала о взглядах Горбачева. У меня нет никаких оснований сомневаться в том, что Горбачев на протяжении всей своей политической деятельности на посту генерального секретаря был искренним сторонником социализма (а значит, заявляя к месту и не к месту о своей приверженности социалистическому выбору, он никогда не хитрил и не лукавил). Но, будучи таковым, он оказался не на высоте вставших перед ним задач в реализации своих убеждений. В этом и заключается его личная если не трагедия, то драма.

Я считаю, что Горбачев с самого начала прекрасно отдавал себе отчет в том, что тот социализм, движение к которому началось в октябре 1917 г., в нашей стране (и не только в ней) дышит на ладан. Хорошо сознавая эту правду, он вовсе не был намерен согласиться с неотвратимостью летального исхода, а встал на путь реанимации системы.

Думаю, что самое время в лоб поставить вопрос: реально ли было в 1985 г., при тогдашнем состоянии советского общества, его экономики, при существовавшем раскладе общественно-политических сил, успешно провести такую реанимацию и «раскрыть потенциал социализма» в нашей стране? Мой ответ: это было крайне трудно, а возможность успеха была минимальной, зависящей от многих обстоятельств. Иначе говоря, процесс перемен, обновления, перестройки, задуманный и начатый Горбачевым в апреле 1985 г. в интересах людей труда, во имя социализма, имел небольшой шанс, который мог увеличиваться или уменьшаться в зависимости от принимаемых мер. А чтобы добиться положительного результата, были необходимы, как мне представляется, два условия: во-первых, концептуально или стратегически правильное понимание нашего состояния и путей движения к желаемой цели; во-вторых, умелое тактическое маневрирование, верная повседневная политика, способная собрать необходимые силы и обеспечить успех.

На все это и не хватило пороха у инициатора перестройки. Я склонен считать, что главные ошибки Горбачева связаны не с тактикой и политическим маневрированием (хотя и здесь он, мастер компромисса, допустил

немало просчетов и ошибок), а со стратегией, с общим концептуальным видением и реальных условий, и предстоящего пути.

В чем же Горбачев оказался «не на высоте» именно как социалист, как приверженец социалистического выбора (я это подчеркиваю, ибо говорю здесь вовсе не об исторической роли Горбачева как реформатора советского общества, что должно оцениваться по особым меркам, а только о его деятельности в качестве руководителя и лидера партии, борющейся за интересы людей труда, за социализм)?

По моему мнению, Горбачев совершил три главные, принципиальные, стратегические ошибки. Во-первых, придя к руководству КПСС и справедливо считая, что социализм «дышит на ладан», он неверно оценил причины этого, не осознал всей глубины перерождения и вырождения советского общества и КПСС за десятилетия после октября 1917 года. А потому, наметив облегченную задачу реанимации и обновления, он на определенном этапе утратил инициативу, оказался в хвосте осуществляемых уже не им мер по возрождению страны.

Во-вторых, оставаясь приверженцем социализма, он выступал в сущности за очищенный от извращений ортодоксальный марксистско-ленинский социализм, не понимая, что уже в самой концепции этого социализма заключались не только бесспорные выводы, но также и утопические, и ложные элементы. Мало того, жизнь качественно изменилась, а потому даже очищенный и исправленный марксистско-ленинский социализм уже не соответствовал изменившимся условиям, что требовало еще раз и более глубоко «пересмотреть всю точку зрения нашу на социализм». Осознание этого (хотя и не в полной мере) пришло только на исторически последнем пленуме ЦК КПСС в июле 1991 г., когда время было упущено и впрыгнуть в уходящий поезд уже было невозможно.

В-третьих, обе предыдущие ошибки — неверная оценка состояния и неверная цель — были источником постоянных ошибок в выборе путей, средств, способов выхода из сложившейся ситуации, просчетов в намечаемых планах и сроках их реализации, что не могло не подрывать раз за разом авторитет и перестройки, и ее лидера. В результате исходные цели перестройки достичь оказалось невозможно.

Что же на самом деле случилось с перестройкой?

Чтобы ответить на этот вопрос, следуя методу упреждающего концептуального анализа, нужно на основе уже выявившихся ошибок и провалов горбачевской концепции перестройки (именно в этом историческом опыте, в знании его результатов и заключается преимущество сегодняшних критиков перестройки) дать свою концепцию, не только объясняющую, почему перестройка не могла достичь своих целей, но и показывающую, как нужно было все понимать и что следовало делать, чтобы (если это вообще возможно) добиться иного — позитивного — исхода.

Как лучше справиться с этой непростой задачей?

Чтобы убедительнее показать обреченность того, что делалось, на негативный исход и очертить иной возможный вариант развития, ведущий к позитивному результату, лучше всего обратиться к трем стратегическим вопросам, по которым, как мне думается, Горбачев, а с ним и все перестройщики допустили принципиальные ошибки.

1. Оценка состояния советского общества, причин и следствий случившегося в нашей доперестроечной истории. Эта оценка была крайне мифологизированной до Горбачева; нанеся удар по наиболее одиозным мифам, Горбачев так и не освободил общество от этой мифологии, да и сам остался в плену неверных представлений о коренных условиях жизни нашего общества. Еще до Горбачева считалось, что наша страна, построив социализм в середине 30-х годов и продвигаясь к коммунизму, оказалась в трудной полосе развития: падали темпы роста производства, снижался

жизненный уровень (несмотря на нефтедоллары), ухудшалась общая социально-политическая ситуация, а с выдвиганием в США программы СОИ все яснее становилась неизбежность поражения и в международной гонке вооружений. С небывалой раньше неотвратимостью приближалось нечто катастрофическое: провал, развал, взрыв.

Придя в апреле 1985 г. к руководству КПСС и страной, Горбачев верно понял, что социализм в СССР «дышит на ладан», однако это не означало, что он правильно оценил существо нашего общественного состояния, причины и следствия уже случившегося и происходящего. Дело в том, что построенного в интересах человека труда социализма с его прогрессирующей на здоровой основе экономикой у нас никогда не было, а был у нас созданный партийно-государственной бюрократией в своих интересах строй — казарменный псевдосоциализм, общество-монстр, в котором под видом радикальных преобразований были разрушены общечеловеческие механизмы развития². Мы имели общество, сошедшее с общего пути развивающейся человеческой цивилизации, находящееся в тупике, все более деградирующее, загнивающее. Такими насквозь прогнившими, а потому не способными к возрождению были многие структуры, в том числе правящая партия — КПСС.

Если говорить только об экономике, то Горбачев и все перестройщики, а сейчас и демократы не понимали раньше, не понимают и сегодня, что страна не в экономическом кризисе, а в социально-экономическом тупике. Свидетельства этого непонимания: с треском провалившаяся концепция ускорения социально-экономического развития 1985—1986 гг.; тезис о «механизме торможения», появившийся позже для объяснения застоя: вывод об «экономическом кризисе» вплоть до сегодняшнего дня. Но самое главное — как бы ни углублялись оценки случившегося, налицо полная безрезультатность принимаемых мер. Возьмем ли 1985 или 1991 г., коммунистов или демократов, все равно, «что они ни делают, не идут дела»! Это и понятно: нельзя чахотку вылечить лекарствами от воспаления легких. Ведь экономический кризис представляет собой функциональное расстройство развивающегося социально-экономического организма, а социально-экономический тупик — следствие органического порока системы — разрушения механизмов прогресса. Выход в последнем случае возможен только путем восстановления, реставрации механизмов прогресса, о чем до сих пор никто не думает и чем всерьез не занимается в расчете выбраться из идущего развала не по разумению, а наощупь!

2. Концепция социализма, или цель, к которой следует вести развитие общества. Вряд ли кто оспорит, что, осуществляя перестройку как общественное переустройство, нацеленное на «раскрытие потенциала социализма», Горбачев, естественно, руководствовался определенным, как он неоднократно подчеркивал, «новым видением социализма». Однако, если внимательно присмотреться к тому, что представляло собой это «новое видение социализма», то нетрудно обнаружить, что принципиально нового в нем явно не хватало. И в этом заключалось главное! Конечно же, это был не марксизм-ленинизм в его сталинской версии, но тем не менее — все тот же ортодоксальный марксистско-ленинский, социализм, в котором главным критерием социалистичности того или иного общества выступала степень ликвидации частной собственности, уровень обобществления средств производства³.

Я дважды под этим углом зрения прочитал статью Согрина и пришел

² Более подробно см. Б у т е н к о А. Откуда и куда мы идем? Л., 1991.

³ Чаще всего для обоснования этой ортодоксии приводят следующую выдержку из русского текста совместной работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии»: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности!». Я уже писал о том, что Маркс и Энгельс этого не утверждали: они писали не об уничтожении, а о «снятии» (Aufheben).

к выводу, что ее автор разделяет в этом коммунистическую мифологию, что и он на том же основании считает социализмом (где реальным, а где с другими добавлениями) общество, существовавшее в нашей стране. Когда встречаешь подобные утверждения у ограниченного человека, то только махнешь рукой: что, мол, с него спрашивать. Но когда сталкиваешься с тем же у умного автора, хочется задать вопрос: как может грамотный человек повторять эту прокоммунистическую ложь, становиться на путь признания социалистическим такого общества, в котором и политическая власть, и собственность были отчуждены от трудящихся, от народа (а ведь именно так было у нас!)?

Если так понимать социализм, если наш казарменный заповедник номенклатуры считать социализмом (с какими угодно приставками), тогда приверженцы социализма — Г. Шмидт, В. Брандт, Ф. Миттеран и др.— выглядят весьма странными людьми. Разумеется, Согрин, если подумает, согласится: все сложнее! Но основания упрекать его в прокоммунистическом понимании социализма есть, хотя бы потому, что именно при такой позиции можно понять его стремление обязательно выдать любую приверженность социальной справедливости и идеалам социализма за «приверженность принципам грубоуровнительного распределения и гарантированного государством прожиточного минимума», за ущербную идеологию «старшего поколения» и т.п. (с. 146). Наш печальный опыт — еще не основание для подобных обобщений. Воистину: страшнее кошки зверя нет!

Теперь вернемся к Горбачеву с его «новым видением социализма» и его старым критерием социалистичности. Вся новизна здесь заключалась, пожалуй, в заявленном решительном очищении концепции от сталинских упрощений и извращений, в призыве широко использовать стоимостные измерения и товарно-денежные отношения, в шагах к рыночной экономике, в попытках практического преодоления отчуждения человека от политической власти и собственности. Однако этого давно уже было недостаточно.

Жизнь еще раз напомнила, как опасно повторять старые ошибки, и убедительно показала, что главным критерием социалистичности того или иного общества является вовсе не степень ликвидации частной собственности и не уровень обобществления средств производства. В Советском Союзе и в ряде других стран было достигнуто почти стопроцентное огосударствление средств производства в городе и поголовная коллективизация сельского хозяйства, но люди труда от этого не стали счастливее, социалистическое изобилие не наступило. Чем дальше шла история, тем становилось яснее, что действительным критерием социалистичности общества является степень удовлетворения коренных интересов человека труда, уровень его благосостояния и духовного развития, степень приближения к такому устройству, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Росло сознание того, что достижение желаемого состояния вовсе не упирается в одну проблему собственности, более того, оно невозможно без реанимации и реабилитации частной собственности как общественного института. Но Горбачев практически так и не перешел здесь на новые позиции.

3. Концепция перестройки как средства ж «раскрытию потенциала социализма». Теперь, когда мы располагаем двумя (ошибочной и, как мне кажется, близкой к истине) оценками не только состояния нашего общества, но и той цели, к которой следовало вести перестройку, нетрудно понять, почему именно такой, а не иной, была и горбачевская перестроечная концепция, почему она неминуемо вела к неудаче, а также — какой могла (и даже должна) была быть концепция перестройки, если ее приверженцы рассчитывали на успех.

М. Горбачев во время перестройки руководствовался тем, что в нашей стране, имеющей устои социализма, сам социализм как система обществен-

ных отношений тяжело болен, но не безнадежен. Почему он так думал? Уже отмечалась ошибочность его критериев социалистичности, его упований на то, что в стране есть «социалистическая» собственность как материальная опора жизни, есть правящая партия, которая не переродилась окончательно, причем именно потому, что его (Горбачева) усилиями намерена «оздоровить социализм», «дать ему второе дыхание», расширить его позиции, демократизировать (отсюда: «больше социализма, больше демократии!») и, не допустив развала, вывести общество из экономического кризиса. Здесь заключались главные, исходные ошибки.

Конечно же, официальные оценки Горбачева не оставались неизменными, они эволюционировали, становясь более глубокими, но все же никогда не доходили до горькой правды. Причем эволюция официальных позиций Горбачева — а это особенно важно — была не тактическим приемом, хотя иногда утверждают, будто он с самого начала знал «всю правду», сам ею руководствовался, но из-за расстановки сил в КПСС и в стране не афишировал ее до поры до времени по тактическим соображениям. Нет, он просто не знал «**всей** правды» и не стоял на позициях этой правды, хотя и продвигался в ее сторону. В своем личном видении он, как говорится, «дошел ДО и остановился ПЕРЕД». Максимум, на что оказался способным генеральный секретарь ЦК КПСС, замороженный марксистской ортодоксией, это признать наше общество обществом «деформированного социализма», что и явилось роковым просчетом. Почему?

Роковой характер этой ключевой ошибки Горбачева заключался в следующем. Во-первых, закрывались глаза на то, что так называемые социалистические формы собственности, и прежде всего государственная, давно уже используются в своих корыстных интересах партийно-государственной бюрократией, являются фундаментом, основой эксплуатации трудящихся. Причем в силу бесхозяйственности, из-за которой «враспыл» шло гораздо больше средств, чем необходимо было для содержания номенклатуры и ее прихлебателей, эта эксплуатация была более жесткой, чем в развитых капиталистических странах, где буржуазия «цивилизована» столетиями политической и экономической борьбы рабочего класса, трудящихся, контролем государства, его регулирующим вмешательством.

Во-вторых, признавая «социалистической» основу эксплуататорского общества-монстра, реализовавшего социальный идеал не рабочего класса, а партийно-государственной бюрократии, все более и более справедливо ненавидимой трудящимися, Горбачев тем самым — сознавал он это или нет — связывал свой «социалистический выбор» не с людьми труда, а с «социалистической» собственностью и партийно-государственной бюрократией, становился, сам того не желая, против людей труда.

В-третьих, такая ошибочная оценка никак не позволяла понять истинные причины нараставшего экономического развала, приводила к глубоким принципиальным ошибкам как в стратегии намечаемых перемен (в сроках и способах выхода из ситуации, в отношении к разгосударствлению и приватизации, к частной собственности на землю и т. д.), так и в текущей политике.

В-четвертых, если Горбачев в существующей «социалистической» собственности видел «сохранившуюся косточку» социализма, то значит и связанные с ней и номенклатура, и люди труда оказывались по одну сторону баррикад («все мы в одной лодке»), что ориентировало на исключение борьбы между управляющими и управляемыми.

Все эти и другие следствия из центральной, исходной ошибки Горбачева, даже если не обращаться к другим его просчетам, хорошо объясняют и ход, и финал перестройки, а также многое в позициях самого Горбачева на разных ее этапах. Становится ясным, почему Горбачев рассматривал саму перестройку как революцию сверху, вполне осуществимую при по-

степенном расширении числа ее приверженцев командными усилиями сверху вниз: от генерального секретаря к членам политбюро, а затем к ЦК, от него ко всем членам КПСС, а затем и ко всему народу. В связи с этим сама перестройка, по справедливому замечанию А. Бовина, «планировалась» как «ограниченная во времени, упорядоченная, проводимая под строгим партийным контролем операция, в ходе которой мы именно перестраиваем⁴ ,улучшаем старый дом, а не возводим новый, принципиально иной конструкции».

Не нужно быть слишком догадливым, чтобы прийти к выводу: перестройка, таким образом оценивающая ситуацию, ставящая такие цели и применяющая такие средства, была обречена на неудачу.

А как следовало поступать, чтобы исход был иным? В этом случае, как я думаю, иными должны были быть и оценки, и цели, и средства. Скажем, если бы тяжелейшее состояние страны было оценено правильно, а именно — как социально-экономический тупик, то это потребовало бы совсем иной стратегии перестройки: никаких обещаний быстрого перехода «к светлому будущему» нельзя было давать (Горбачеву вчера, Ельцину сегодня). Мало того, необходимо было сразу же искать возможности «длительного выживания» страны в условиях труднейших преобразований, глубокой ломки прежних устоев. Одно это во весь рост ставило ряд проблем: соотношения экономических и политических перемен, зависимости развития гласности от состояния экономики, очередности в решении межнациональных вопросов и т. д. Трудно оспорить — особенно учитывая опыт Китая и Вьетнама,— что все перемены, если они ведутся в интересах большинства населения, следует начинать с экономики, а в экономике — с сельского хозяйства. Только идя по этому пути — решительно вводя аренду и частную собственность на землю, заботясь в первую очередь о том, что необходимо для подъема сельского хозяйства, для обеспечения минимума жизненных условий,— можно было создать предпосылки для неторопливых продуманных перемен в других сферах (торговли, финансов, промышленного производства), а следовательно, и во всей экономике, переходя затем весьма взвешенно к политике и гласности. Во всяком случае, не создав материальных условий выживания страны, не следовало начинать политические перемены и форсировать изменения в межнациональных отношениях, а тем более перед лицом надвигающегося развала и голода вводить гласность, следуя провоцирующему принципу: «кушать нечего, а говорить все можно». Потенциально это грозило и грозит взрывом, бессмысленным и беспощадным бунгом.

Конечно, «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», тем более когда перестройка уже позади. Поэтому вряд ли целесообразно развивать уже неосуществимые прожекты. Нет спора и о том, что один неверно решенный стратегический вопрос, подобно камнепаду, тащил за собой массу других просчетов и неудач. И все же, как бы мы ни оценивали перестройку, свести ее результаты к одной неудаче никак нельзя. Общество-монстр, созданное в Советском Союзе партийно-государственной бюрократией, клявшееся в своей верности народу, пропитанное сталинским тоталитаризмом, должно было проснуться к новой жизни и совершить антитоталитарный демократический переворот. Горбачев, ударивший в набат перестройки, если и не сумел достичь задуманного, то смог все-таки разбудить общество и повести его по пути реформ и обновления. Но нет пророков в своем отечестве. А потому, как это ни грустно, нельзя не видеть, как много неучей и невежд, всю жизнь проживших холопами, дрожавших, подобно премудрым пескарям в тихих заводях, теперь разбуженных и поднятых из своего небытия инициатором перестройки, готовы бросать в него камни.

⁴ Бовин Л. От перестройки к революции. «Известия», 9 сентября 1991.

Причем среди них встречаются и цивилизованные холопы. Как здесь не вспомнить Фазиля Искандера, который писал о Горбачеве: «Его энергии и мужеству мы обязаны нашей сегодняшней, пусть и горькой, свободой. И мне всегда было неприятно, когда некоторые демократы, от него получившие свободу говорить, ему же и хамили, зная, что им за это ничего не будет...»⁵.

Сегодня всем видно, что перестройка не «испарилась», не ушла в небытие, а стала прологом, важнейшим прологом и начальным этапом развернувшейся в стране антитоталитарной, посткоммунистической, демократической революции. Пока трудно сказать, каким будет исход этой революции: удастся ли партократам и демократам придать ей верхушечный характер, означающий смену одной формы эксплуатации другой формой, или это им не удастся. Нельзя исключить, что подгоняемые нуждой и бедами первоначального накопления, разгулом нуворишей непроизводящего спекулятивного капитала большинство трудящихся активно и сознательно включатся в борьбу за свои коренные интересы. Это придаст переменам глубочайший революционно-демократический характер, а сама революция, в конце концов, приведет к преодолению всех форм отчуждения человека от собственности и политической власти, к утверждению порядка, при котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всего общества. Насколько вероятен такой ход событий, покажет наша история уже в недалеком будущем!

© А. Бутенко, 1992

⁵ См. «Независимая газета», 4 января 1992.